

Сузунская икона

1. Икона Богоматери «Утоли моя печали». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Государственного художественного музея Алтайского края.

Среди художественных народных центров особняком стоит сузунская иконопись. Яркие и самобытные образы Спасителя, Николая Чудотворца, Георгия, Архистратига Михаила и других святых выделяются своей трогательной простотой и задушевностью, но вместе с этим они каноничны и следуют древней традиции.

2. Вид Сузунского завода. Конец XVIII в. С рис. П. Фролова. Собрание Сузунского краеведческого музея.

Поселок Сузун является одним из старейших населенных пунктов Новосибирской области. Его возникновение напрямую связано с деятельностью алтайских Колывано-Воскресенских металлургических предприятий уральских заводчиков Демидовых. В начале на этих заводах плавил только медь, а с 1744 года — серебро. С этого времени заводы перешли в собственность императрицы Елизаветы Петровны и стали управляться Кабинетом Ее Императорского Величества.

Именно в этот период у правительства возникает замысел о постройке здесь монетного двора. На это решение повлиял тот факт, что в местных рудах, которые плавилась на серебро, содержалось большое количество меди, которую выгодно было обрабатывать на месте, а не перевозить в Центральную Россию. Кроме того, перевозка тяжелых медных денег в Сибирь также была дорога и невыгодна. В 1760 году императрица Елизавета Петровна приказала начальнику Колывано-Воскресенских заводов генералу-майору А. Порошину, руководившему ими из столицы, ехать на Алтай и приступить там к строительству нового завода с монетным двором.

Но монетное дело в Сибири получило свое реальное развитие немного позже — в правление императрицы Екатерины II. В 1763 году выходит ее именной указ Сенату, в котором повелевалось: «Чтобы не оставалось втуне и без всякой пользы имеющаяся на наших Колывано-Воскресенских заводах, как ныне наличная, так и от ежегодной сплавки серебряных руд получаемая серебристая и золотистая медь, за весьма полезно рассудили мы, по

причине великих неудобств, трудностей и иждивений в перевозе оной сюда, а наипаче в рассуждении вынятия из нее содержимого ею золота и серебра, повелеть нашему Кабинету всю эту медь переделать там на месте в особливую медную гривенную, пятакопеечную, грошевую, копейную, денежную и полушечную монету...»¹. Монетный двор было решено построить на совершенно новом месте, так как, по мнению заводских специалистов, переделка уже существующих медеплавильных алтайских предприятий привела бы к большей затрате средств и времени. Такое место было найдено: «вниз по реке Оби по течению оной с правой стороны, на реке Нижний Сузун, водой и лесом изобильное...» И в 1764 году одному из руководителей изыскательских работ Н. Бахореву было предписано строить в этом месте медеплавильный завод и монетный двор: «...для выплавки и перечистки меди и производства оной в денежное дело завод строить на речке на Нижнем Сузуне от деревни Нижнеустьсузунской в 15 верстах, где прежде была деревня Быкова, от Малышевской слободы на 20 верст»².

Сохранилось описание Сузунского завода XVIII века. Главное здание было деревянным, в нем находилось 12 печей. Монетный двор был огорожен высокой стеной из деревьев, имел вид четырехугольника, у входов стоял караул. Внутри него находились счетные и караульные помещения, кузница, слесарная, токарная мастерская, а также большое монетное строение, где происходила прорезка полос, гурчение и тиснение монет (илл. 2). На Сузунском заводе и монетном дворе, как и на других Колывано-

3—4. Поселок Сузун. Фото, начало XX в.
Собрание Сузунского краеведческого музея.

Воскресенских заводах, был установлен военный порядок, работа здесь приравнивалась к воинской службе. Так, специальными указами местных крестьян рекрутировали в плавильные и горные работы, а мастеровых приравнивали к лицам военным. Сыновей сузунских мастеровых с 10—12-летнего возраста уже вносили в список заводских команд и отправляли в Змеиногорский рудник для разбора руд. Туда же отправляли и престарелых работников. Вообще, срок службы для мастеровых не устанавливался — работали обычно до полной потери трудоспособности. Часто при плавке руды они полностью или частично теряли зрение, а также регулярно получали отравления от ядовитого дыма из заводских печей. Неспособным к работе и вдовам полагалась небольшая пенсия, которой едва хватало на пропитание. При этом пенсионерам и членам их семей самым строгим образом запрещалось просить милостыню, так как это могло повредить репутации бывших хозяев. Замеченные в собирании подаяния строго наказывались и отправлялись в богадельню в Барнаула. Провиантский расход семьи мастерового в начале XIX века в среднем состоял из 25 рублей в год, тогда как сам кормилец мог иметь годовое жалование в 24 рубля. (Только в середине XIX века ситуация немного изменилась в лучшую сторону, когда мастеровым и членам их семей правительство стало вводить бесплатной провиант.) Совершенно очевидно, что на одно жалование прожить было невозможно, поэтому многие семьи занимались скотоводством, огородничеством и разными ремеслами. Так, по свидетельству К. Ледебура, путешествовавшему по Алтайскому краю в 1826 году, из 932 служителей Сузунского завода 542 человека жили в собственных домах, а 390 человек — у своих родственников. Все они имели 2758 лошадей, 2696 голов крупного рогатого скота, 2013 овец, 459 десятин пахотной земли, 12 ульев, 13 кузниц и одну мельницу³. Население в 1830 году составляло 3780 жителей; в это время в Сузуне было уже 24 улицы и более 600 домов. К середине XIX века все улицы были замощены, вырыты специальные стоки, огорожены колодцы. В поселке действовала школа при заводе для детей мастеровых, куда зачислялись мальчики с семилетнего воз-

раста. Там они обучались грамоте, арифметике, рисованию и практическому разбору руд, а с 12 лет, как уже упоминалось, начинали выполнять заводские работы. Население поселка росло и в последующее время: 1848 году его численность составляла 4322 человека, а в 1859-м — 5422 жителя; число дворов к 1889 году достигло 889. Согласно данным за этот же год, в поселке имелось 2 мельницы, 13 лавок и 2 кабака⁴ (илл. 3—4).

Со второй половины XIX века алтайская горная промышленность стала при-

ходить в упадок. Сами рудники вырабатывались, леса вокруг опустошались, что не могло не отразиться на стоимости продукции заводов. Кроме того, правительство нашло новый источник доходов на Алтае, который выражался в эксплуатации земель и лесных угодий — что давало доходы не меньше, чем добыча серебра до реформы 1861 года. Поэтому Кабинет Его Величества, который управлял всеми заводами в крае, довольно легко пошел на закрытие части заводов и рудников. Сам Сузунский завод смог проработать еще некоторое время, так как выплавлял медь из отходов сереброплавильных предприятий, запасов которых хватало на несколько десятилетий вперед. Последняя плавка была сделана в 1914 году, после чего завод был закрыт, а его имущество распродано.

Для местного иконописного промысла, который, как считают исследователи, зародился здесь во второй половине XIX века, огромную роль играла зимняя Никольская ярмарка, проходившая в Сузуне с 6 по 20 декабря. Как уже отмечалось выше, не имея возможности прокормить семью на жалование, «мастеровые люди» — слесари, токари, кузнецы — изготавливали свои изделия и продавали их местным крестьянам, которые, в свою очередь, поставляли в Сузун различные продукты сельского хозяйства. Вскоре здесь появились торговцы из других волостей, губерний и регионов со своими товарами. В развитии здесь ярмарочной торговли огромную роль играли такие факторы, как удобные пути сообщения, близость к водной артерии (река Обь с притоками), а также относительная близость к Московскому тракту. Сузун имел хорошие транспортные связи со всеми алтайскими Кольвано-Воскресенскими заводами, кроме того, он располагался среди густонаселенных крестьянских волостей с развитым хлебопаше-

5. Икона «Спас Нерукотворный». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Новокузнецкого художественного музея.

6. Икона «Спас Нерукотворный». Конец XIX — начало XX в. Сузун.
Собрание Государственного художественного музея Алтайского края.

8. Икона «Господь Вседержитель». Конец XIX — начало XX в. Сузун.
Собрание Государственного художественного музея Алтайского края.

7. Икона «Спас Нерукотворный». Конец XIX — начало XX в. Сузун.
Собрание школьного краеведческого музея, с. Бобровка, Сузунский р-он.

ством и животноводством. Все это привело к тому, что к середине XIX века Сузунская ярмарка стала крупнейшей в Западной Сибири. Так, ее торговый оборот составлял в 1844 году 35 тысяч рублей, а в 1861-м — уже более 475 тысяч⁵. Крестьяне везли сюда хлеб, крупу, овощи и мясо, в обмен приобретая мебель, столярные изделия, ящики, топоры, вилы, косы, замки и другие нужные в сельском обиходе предметы. Сюда прибывали купцы из Казанской, Нижегородской, Томской, Иркутской и других губерний, а также «иностраннные гости» — татары и бухарцы, которые привозили продукцию своих регионов. Основными покупателями на ярмарке были местные торговцы, которые брали товары в кредит и развозили по всему Алтаю. Там они скупали у населения продукты сельского хозяйства, пользующиеся большим спросом за пределами края — коноплю, мед, лен, кедровые орехи, воск, меха, — и везли обратно в Сузун, продавая все это местным жителям и приезжим купцам. Развозили торговцы по всему краю и иконописную продукцию сузунских мастеров — поэтому эти иконы можно встретить в городах, поселках и деревнях, в коллекциях музеев, частных собраниях и в антикварных салонах Новосибирской, Омской, Томской, Кемеровской областей, а также Алтайского края и Северо-Восточного Казахстана.

Говоря о сузунской иконе, в первую очередь следует обратить внимание на ее основу. Это — всегда ровная и хорошо обработанная сосновая доска с толстыми, около одного сантиметра, торцовыми шпонками в виде трапеции, причем толщина нижних и верхних частей практически равна и отличается на один, максимум — полтора миллиметра.

9. Икона «Господь Вседержитель». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Государственного художественного музея Алтайского края.

10. Икона «Господь Вседержитель». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Новосибирского государственного художественного музея.

11. Икона «Богоматерь Казанская». Конец XIX — начало XX в. Сузун.
Собрание Сузунского краеведческого музея.

12. Икона «Богоматерь Казанская». Конец XIX — начало XX в.
Сузун. Церковь в честь иконы Богоматери «Споручница грешных»,
с. Бобровка, Сузунский р-он.

По характеру обработки основы сузунскую икону можно сравнить с иконами горнозаводского Урала — невьянской и красноуфимской. Известный исследователь невьянской иконы Е. Ройзман неоднократно отмечал, что причиной идеальной обработки досок, которые за двести лет не увело ни на миллиметр, являлся заводской, промышленный характер их обработки⁶. Скорее всего, причина хорошей обработки сузунских икон та же. Наряду с несколько иными формами шпонок (как известно, невьянские иконы имеют толстые торцовые шпонки строго прямоугольной формы), разницу между ними можно наблюдать и в породе дерева самой доски. Невьянские иконописцы писали на липовых досках, а сузунские мастера использовали сосну, что неудивительно, так как Сузун в изобилии окружен сосновыми борами. В нашем сравнении речь идет только о характере обработки основы; иконография и художественно-стилистические особенности невьянского и сузунского горнозаводского иконописания абсолютно различные. Важно другое — по доске и шпонкам сузунскую икону можно достаточно просто отличить от памятников других, в том числе и местных центров народной иконописи, близких по стилистике и колориту. На первый взгляд по общему цветовому решению очень похожи на Сузун иконы Холуя (хотя там использовался более интенсивный оранжевый цвет), продукция которого вместе с теми же нижегородскими купцами или владимирскими офенями попадала сюда через Никольскую ярмарку. Но достаточно сразу обратить внимание на основу холуйских икон (доски лиственных пород с часто встречаемыми тыльными шпонками), и разница станет очевидна.

13. Икона «Богоматерь Одигитрия». Конец XIX — начало XX в.
Сузун. Церковь в честь иконы Богоматери «Споручница грешных»,
с. Бобровка, Сузунский р-он.

14. Икона «Богоматерь Знамение». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Церковь в честь иконы Богородицы «Спорушница грешных», с. Бобровка, Сузунский р-он.

О художественных и стилистических особенностях сузунской иконописи написано немного. В первую очередь необходимо отметить статьи Н. Велижаниной, которая одна из первых обратила внимание на существование в Сузуне местной иконописи^{7–9}. Кроме того, к теме о сузунской иконе обращались научные сотрудники ряда музеев, где хранятся эти иконы: С. Остапенко (Новосибирский художественный музей)¹⁰, Н. Крутова (Восточно-Казахстанский этнографический музей) и С. Тарасюк (Сузунский краеведческий музей). Несомненно, на становление сузунской народной иконописи второй половины XIX века оказала влияние продукция владимирских иконописных сел, в первую очередь Холуя, о котором уже шла речь¹¹. Дешевые холуйские иконы, производившиеся миллионными тиражами, развозились офенями-торговцами по всей стране. Кроме того, алтайские купцы, среди которых было немало выходцев с владимирских земель, активно снабжали край продукцией суздальских мастерских¹². Алтайский исследователь Л. Красноцветова справедливо замечает: «Расхожие суздальские иконы для простонародья оказали влияние на старообрядческих мастеров Сузунского завода, где «буйи писари» создавали просто шедевры примитива»¹³. Колористическое решение сузунских икон базируется на ряде цветов: терракотово-красный, оливковый, черный, желтый, синий, белый и коричневый; причем заметно преобладание оливкового и красного, которые часто использовались также и в цвете опуши. Красочные контрасты нанесенных яркими локальными пятнами красного, зеленого, белого и желтого цветов часто усиливались черным или коричневым

15. Икона «Богоматерь Знамение». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Государственного художественного музея Алтайского края.

фонами. В личном письме, как и во многих народных иконах, не применялось вохрение. Вместо этого чистыми белилами, иногда с добавлением охристого или розового оттенков, писалась основа лика. После нанесения теневого абриса, черными красками проводили очертания носа, глаз, губ и бровей, которые могли еще отдельно подчеркнуть белильными движениями.

По данным Н. Велижаниной, в Сузуне работало не менее десяти мастеров, из которых она выделяет двоих: безымянного «мастера Богородицу» и иконописца И. Крестьянникова (1858–1941). Трудно сказать, на чем основывалось такое предположение о количестве мастеров. В архивных документах Сузуна упоминается только один иконописец — Крестьянников (по архивным данным за 1910 год фамилия пишется как «Крестьяннинов») Иван Васильевич¹⁴. Безусловно, мастеров было гораздо больше, кто-то из них, вероятно, не считал иконописание своим основным занятием, и не отмечен в архивах, но говорить о точном их количестве пока не представляется возможным. Что касается иконописного наследия самого Крестьянникова (о его жизни и творчестве — отдельная статья С. Тарасюк, публикуемая на страницах этого журнала), то здесь возникает больше вопросов, чем ответов. Так, в экспозиции Новосибирского художественного музея находится пять совершенно разных и по основе, и по художественно-стилистическим особенностям памятников, которые в атрибуции музея значатся как иконы И. Крестьянникова. Скорее всего, речь идет об определенном стереотипе: если это «мастеровитая» икона сузунского письма, значит, обязательно И. Крестьянников, такой

16. Икона «Святая Великомученица Екатерина». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Сузунского краеведческого музея.

17. Икона «Святая Великомученица Екатерина». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Сузунского краеведческого музея.

18. Икона «Святая Великомученица Екатерина». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание антикварного салона «Синяя птица», Барнаул.

19. Икона «Святая Великомученица Екатерина». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Государственного художественного музея Алтайского края.

20. Икона «Чудо святого Георгия о змие». Конiec XIX — начало XX в.
Сузун. Собрание Сузунского краеведческого музея.

своеобразный «бренд» иконописного промысла. Думается, такое отношение совершенно недопустимо. Пока у исследователей нет памятников, подписанных мастером или точно, а не по слухам, происходивших из его семьи либо окружения, говорить о его творчестве преждевременно. (К сожалению, внука Крестьянникова М. Медведева поведала, что икон деда не сохранилось, потому что в голодные военные годы семья выменяла их на продукты питания.) Из сузунских мастеров можно еще упомянуть иконописца Батанова, о котором нам известно только из воспоминаний его внучки К. Кротовой: «*Это был уникум, художник, умелец народный. Пожалуй, в окрестностях г. Камня и с. Сузуна все церкви были расписаны им*»¹⁵.

В сузунских иконах обращает на себя внимание ограниченность в изображении святых и использовании изводов. Это — образы Спасителя (Господь Вседержитель и Спас Нерукотворный), Богородицы (чаще встречаются Казанская, Одигитрия, Знамение), Николая Чудотворца, Георгия, Екатерины, Кирика и Улиты, Илии и Архистратига Михаила, иконы которого встречаются чаще всего (илл. 1, 5–20, 23–41). Кроме того, в местных иконах существует ряд иконографических особенностей, присущих именно Сузуну. Речь идет об изображении Спасителя на иконах «Чудо святого Георгия о змие», «Святой Архангел Михаил» и «Святые Кирик и Улита». Христос изображен как бы отрезанным по верхнюю часть туловища, без благословляющей десницы и смотрящий вполоборота. Облачка при этом условны и не закрывают весь угол, как они обычно изображались на ико-

21. Икона «Чудо святого Георгия о змие». Конiec XIX — начало XX в.
Холуй. Собрание А. Ильина.

нах из других центров, например, на близких по стилистике холуйских иконах (илл. 21, 22).

Важной и отличительной особенностью сузунских икон среди других местных центров является их каноничность, строгое следование традициям древней живописи, а также наличие признаков «древлеправославной веры» — титлы Спасителя, двоеперстия, восьмиконечного креста и ряда других, что, безусловно, связывает их со старообрядческой средой. Кроме того, часто встречаемые сузунские иконы «Святые Кирик и Улита» и «Архангел Михаил Грозных Сил Воевода» характерны именно для староверов.

Точных данных, когда в Сузуне появились первые старообрядцы, нет; возможно, их появление в этом крае связано с Колывано-Воскресенскими заводами А. Демидова, который, как известно, покровительствовал староверам. Известно, что Демидов первоначально переводил на Сузун мастеровых со своего Невьянского завода, который являлся крупным очагом «древлего благочестия» на горнозаводском Урале. Так, на его территории до середины XVIII века находилась возглавляемая наставником с Выга Гаврилой Семеновым уральская резиденция поморских староверов, а также монастырь, при котором действовало тайное старообрядческое училище. Именно староверы были лучшими работниками на таких тяжелых для работы предприятиях, как горные заводы и рудники. Будучи людьми работящими, трезвыми, с вековым укладом, с твердой верой своих предков и стойкостью в ее отстаивании перед властью и господствующей церковью, а главное — будучи

22. Икона «Святой Архангел Михаил Воевода». Конец XIX — начало XX в. Холуй. Собрание музея «Невьянская икона».

23. Икона «Святые мученики Кирик и Улита». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Сузунского краеведческого музея.

24. Икона «Святые мученики Кирик и Улита». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание семьи Бархатовых, р. п. Сузун.

25. Икона «Святые мученики Кирик и Улита». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание антикварного салона «Синяя птица», Барнаул.

совершенно бесправными и гонимыми, они были тем самым «людским фактором», на котором держались все эти заводы. Хозяева предприятий, а также заводские начальники и приказчики часто сквозь пальцы смотрели на их приверженность к «расколу», в том числе пряча их от полиции. Известно, что в 1771 году — через семь лет после основания Сузунского завода — из 2285 человек жителей 213 были староверами¹⁶, хотя такие данные, как и во многих подобных переписях, часто занижались. Думается, что и в XIX и в начале XX века (точных цифр нет) значительная часть местного населения придерживалась старой веры. Об этом, в частности, свидетельствуют контакты со старожилами, потомками староверов самого Сузуна и Сузунского района. Так, многие из них хорошо помнят своих предков-старообрядцев, строгий уклад, царивший в семье, духовных наставников — Ефима Повольнова, Павлу Аулову, Егора Казанцева, а также церковные службы в моленном доме. По рассказам об их вере (полное отрицание священства, руководство общины наставниками, благословение браков) и по бытовавшей в домах меднолитой пластике поморского типа можно сделать вывод, что они в основе своей принадлежали к поморскому законобратному согласию (беспоповцы). Известно, что именно беспоповцы были наиболее непримиримы к бракам с православными. Автору этих строк довелось услышать рассказ одной местной жительницы, которая поведала, как в ее деревне соседку убила молния «за то, что она вышла замуж за никонианина, перекрестилась и изменила вере своих отцов, а это — большой грех; вот Господь и наказал ее».

26. Икона «Святые мученики Кирик и Улита». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Новокузнецкого художественного музея.

27. Икона «Святой Николай Чудотворец». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Принадлежит Н. Ильиных, с. Шинуново, Сузунский р-он.

28. Икона «Святой Николай Чудотворец». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Церковь в честь иконы Богоматери «Спорушница грешных», с. Бобровка, Сузунский р-он.

29. Икона «Чудо святого Георгия о змие». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Сузунского краеведческого музея.

30. Икона «Чудо святого Георгия о змие». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание семьи Бархатовых, р. п. Сузун.

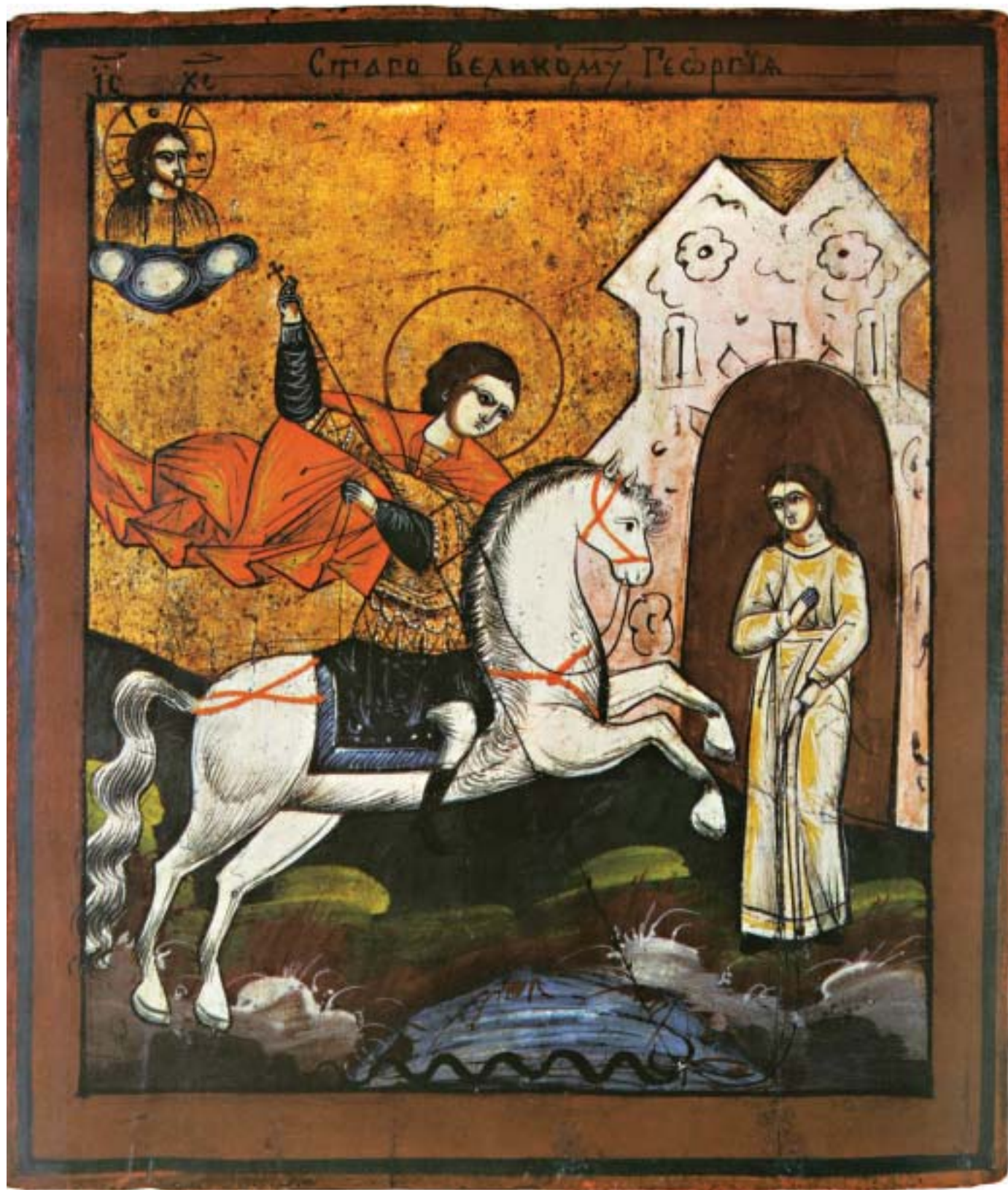
31. Икона «Святой Николай Чудотворец». Конец XIX — начало XX в. Сузун.
Собрание Новосибирского государственного художественного музея.

32. Икона «Чудо святого Георгия о змие». Конец XIX — начало XX в. Сузун.
Собрание Государственного музея истории, литературы, искусства и культуры Алтая.

33. Икона «Чудо святого Георгия о змие». Конец XIX — начало XX в. Сузун.
Частное собрание, р. п. Сузун.

34. Икона «Чудо святого Георгия о змие». Конец XIX — начало XX в. Сузун.
Собрание Новосибирского государственного художественного музея.

35. Икона «Святой Архангел Михаил Воевода». Конец XIX — начало XX в. Сузун.
Собрание Государственного художественного музея Алтайского края.

36. Икона «Святой Архангел Михаил Воевода». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Сузунского краеведческого музея.

37. Икона «Святой Архангел Михаил Воевода». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Новосибирского государственного художественного музея.

38. Икона «Святой Архангел Михаил Воевода». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Новосибирского государственного художественного музея.

39. Икона «Святой Архангел Михаил Воевода». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Никольская церковь, с. Ново-Луговое, Новосибирская обл.

40. Икона «Святой Архангел Михаил Воевода». Конец XIX — начало XX в. Сузун.
Собрание Сузунского краеведческого музея.

41. Икона «Святой Архангел Михаил Воевода». Конец XIX — начало XX в. Сузун. Собрание Новосибирского государственного художественного музея.

Необходимо отметить, что исследователи современного старообрядчества в своих экспедициях часто сталкиваются с подобными назидательными рассказами, когда общаются со староверами-беспоповцами. В Сузунском районе существовали села с преобладанием старообрядческого населения (Нижний Сузун, Мереть), а также целое село, населенное исключительно старообрядцами. Речь идет о Мало-Бобровке, которое было основано в 1925 году, когда Советской властью староверам было разрешено организовать свою коммуну. Они с семьями переехали на 8 километров от Бобровки, где проживали ранее, вверх по течению

Каменки и начали там строить новое село, в котором было 80 изб, моленный дом и даже школа. Это село просуществовало до 1957 года, когда произошло объединение с местным колхозом и многие жители остались без работы и вынуждены были переехать обратно в Бобровку. Вот как описывает в сочинении жизнь своих предков старообрядцев школьница из Бобровки Юлия Казанцева: «Мой дед — Казанцев Афанасий Поликарпович, племянник главного старовера Сузунского района — Егора Казанцева. Он жил в селе Мало-Бобровка с 1935 года, т. е. с момента рождения. Когда началась война, деду исполнилось 6 лет. Он помнит, что мужчин на фронт провожали всем селом. Из 48 ушедших на фронт жителей Мало-Бобровки 28 не вернулось. Дед говорил: «Скорее всего, все наши 28 староверов сложили головы, защищая столицу». Мои прадеды — Поликарп Васильевич и Егор Васильевич пропали без вести. Старообрядцы, по рассказам фронтовиков, воевали бесстрашно, отступить не любили, держались на смерть, шли в рукопашную...»

Безусловно, нельзя утверждать, что все сузунские иконописцы поголовно были старообрядцами. Но то, что они работали для староверов, а также для местных крестьян, которые жили в местах с сильным старообрядческим влиянием и сами тяготели к такого рода иконам, — это очевидно.

Таким образом, необходимо сделать вывод о существовании в Западной Сибири самобытного явления — сузунской иконописи, которая прослеживается со второй половины XIX века, развитие и широкое распространение которой в Сибири и на Алтае напрямую связано с местной ярмаркой. Ее стилистика и художественные особенности были близки, доступны и понятны небогатому местному населению — мастерам и крестьянам, а ее верность древней традиции напрямую связана с преобладанием в крае старообрядческого населения. Дальнейшие исследования сузунских памятников, без всякого сомнения, смогут обогатить наши знания о поздней иконописи, этого, как ни странно, наименее изученного пласта в нашей духовной культуре.

Михаил ЧЕРНОВ

Автор выражает благодарность директору Сузунского краеведческого музея **О. Чернаковой**, сотруднику Сузунского краеведческого музея **С. Тарасюк**, а также директору школьного краеведческого музея с. Бобровка Сузунского р-на **Т. Печенкиной** за помощь в подготовке статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Сенатский архив. СПб., 1909. Т. XIII. № 286. С. 380–381; ГАНО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 56. Л. 145–150.
- 2 Исаева Л.А. Из истории Сузунского медеплавильного завода//75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею: Сборник статей. Новосибирск, 1995. С. 103–110.
- 3 Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской киргизской степи в 1826 г. Берлин, 1829. Т. 1 (табл. 12).
- 4 Вилков О.Н., Башкатова З.В., Исаева Л.А., Найдакова Г.В. Рабочий поселок Сузун — памятное, историческое, производственное и поселенческое место//Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск: Наука, 1991. С. 97–130.
- 5 Там же.
- 6 Музей «Невьянская икона». Екатеринбург, 2005. С. 14.
- 7 Велижанина Н.Г. К истории иконописания в Западной Сибири//Традиционные обряды и искусство русских и коренных народов Сибири. Наука, 1987. С. 125–141.
- 8 Н.Г. Велижанина. О своеобразии иконописи в Западной Сибири. Омск, 1999. С. 199.
- 9 Велижанина Н.Г. Небесные всадники//Сибирские огни. 2001. № 5 (сентябрь).
- 10 Остапенко С.С. Царское моление Ангелу Грозному//Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2011. № 384. С. 8.
- 11 Скубневский В.А. и др. Предприниматели Алтая. Барнаул, 1996.
- 12 Красноцветова Л.Г. Иконописное наследие Алтая//Художественная культура Сибири и Алтая. История и современность: Сборник материалов научных конференций и семинаров 1999–2001 гг. Барнаул, 2001. С. 27.
- 13 Выписка из посемейного именного списка обывателей Сузунского завода на 1 января 1910 года членов мужского пола семьи Крестьянинова И.В.//Фонд «Районный земельных отделов Сузунского района Новосибирской области». Ф. 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 105. Отдел архива администрации Сузунского района.
- 14 Письмо К.А. Кротовой директору Сузунского краеведческого музея М.Е. Землянишину. Май, 1981.
- 15 Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. СПб., 1770. Ч. 2. Кн. 2. С. 406.